

Идеология и поэтика (о романе «Люди в голом»)

Томас Стернз Элиот, рассуждая в своих программных эссе о сущности поэзии, использовал термин «sensibility»,¹ который на русский язык переводили как «чувствительность», «восприимчивость». На самом деле Элиот имел в виду «мировидение» или, скорее, «мирочувствование», которое подразумевало наличие у поэта не абстрактной религиозной, философской или эстетической схемы, а, скорее, инстинкта, формировавшего все уровни произведения, его логику. Наличие «sensibility», генерирующего поэтику и образную систему, придает произведению целостность, обеспечивает нерасторжимость его частей, делая формальный инстинкт интеллектуальным, религиозно-философским. Элиот полагал, что произведение строится эстетическими задачами, подобно своей логике, а не логике, например, философских идей. Чистая, неэстетизированная философия, по его мысли, ослабляла художественное произведение. За это от Элиота досталось не только П. Б. Шелли и Байрону, но даже Гете. «У Гете, например, — пишет Элиот, — я очень остро ощущаю следующее: “вот — то, в чем был убежден Гете-человек”, вместо того, чтобы погружаться в мир, созданный Гете...».²

Произведение искусства — самодостаточный мир, а не иллюстрация идеи. Именно с этой установкой следует приступать к созданию текста. Изначальный инстинкт должен быть эстетическим, однако его осуществление будет сильнее, если он сопряжен с некоей философской или религиозной

---

¹ *Eliot T. S. Selected Essays. London, 1963. P. 488—491.*

² *Ibid. P. 258.*

системой. И чем быстрее сложится эта система, тем скорее для автора наступит зрелость и этап подлинного, а не юношеского творчества. Подобными проблемами разрыва интеллектуального и формального терзался и такой известный автор как Генри Миллер. В 1920-е гг. он сложился как интеллектуал, но не находил адекватного языка для самовыражения. Его эстетический инстинкт еще не сложился. Размышляя, рассуждая, как ученик Бергсона, Ницше, Шпенглера, он как художник оставался заложником схем классической реалистической прозы. Только в возрасте 40 лет, познакомившись с текстами представителей авангарда, Миллер сумел соединить в единое целое интеллектуальные и формальные усилия и написать свой первый зрелый роман.³

Я приблизился к каким-то внятным соображениям относительно мира и человека ближе к середине нулевых, в относительно зрелом возрасте. Это были убеждения человека, когда-то любившего американский либерализм эпохи прогрессизма⁴ и разочаровавшегося в российских либеральных реформах 1990-х, построенных на идеологии «старого», классического, социал-дарвинистского либерализма. Я тяготел к левой мысли. Читал тексты Кропоткина, Эммы Гольдман, Маркузе, Боба Блэка, Сартра, Камю, Фуко. Человек виделся мне задавленным репрессивной культурой, отчужденным от своего бессознательного, от наслаждения, от своего «я». Общество — построенным на антисоциальных, неправильных и несправедливых законах, схемах, подчиняющих себе живую, полнокровную реальность. А сама реальность казалась мне абсурдной, увертливой, не собирающейся в систему и уклоняющейся от больших нарративов. Наверное, поэтому мои первые литературные опыты были связаны с сочинением коротких заметок, анекдотов, где присутствовал не фантастический абсурд, а своего рода абсурд повседневности. Мирозидение, связанное с абсурдом, удачно укладывалось в жанр анекдота. В анекдоте жизнь становилась единичной, странной, абсурдной, смешной, а вещи, явления и люди — вырванными из большого культурного контекста.

В 2004 г. я впервые попробовал шагнуть за рамки анекдота и сочинил первую часть романа, который, в моем представлении, должен был называться «Архипелаг Детства» и намекать читателю, знакомому с книгой Солженицына, что детство — далеко не нежный, благословенный райский возраст, как полагали романтики и американские трансценден-

³ *Ibargüen R. R. Narrative Detours: Henry Miller and The Rise of New Critical Modernism: A Dissertation Presented to the Faculty of the Graduate School of Yale University in Candidacy for the Degree of Doctor of Philosophy. Yale University, 1989. P. 103.*

⁴ См. об этом: *Согрин В. В. США в XX и XXI веках: Либерализм. Демократия. Империя. М., 2015. С. 25–26.*

талисты,⁵ а самый тяжелый период человеческой жизни, когда ребенка загоняют в психологический лагерь, калечат, утрамбовывают. Именно этот момент я и пытался зафиксировать — момент, когда сознание вот-вот перестанет быть чистым, непосредственным, свободным. Эта часть книги имела общий сюжет, состоящий из анекдотических сцен и наблюдений. Реальность в ней выглядела абсурдной, смешной, настоящей, единичной, странной, увиденной наивными глазами клоуна-ребенка, не вписавшегося в культуру, в обстоятельства, не умеющего приспособиться под общечеловеческие смыслы. Я попытался слегка нарушить причинно-следственные связи, придумать новые, обнаружение которых принесло бы читателю удовольствие. Центральный мотив — предельная обнаженность человека, доведение его до состояния скелета. Человек захвачен в его изначальном, невинном состоянии и беззащитен перед репрессивной культурой. Отсюда и окончательное название книги — «Люди в голом».

Вторую часть книги я написал спустя год. Здесь герой сильно переменялся, испортился. Культура проникла в него, заразив своими неприятными свойствами. Эти свойства связаны с идеологией «дикого» капитализма, построенного на самой примитивной версии либерализма. Описываются 1990-е — эпоха свободы, в которой человек старается выжить за счет другого, эксплуатирует другого, паразитирует на другом. Богатые паразитируют на подчиненных, подчиненные паразитируют на тех, кто статусом ниже, а последние стараются пристроиться к богатым и исподтишка паразитировать на них. Именно в этот круговорот оказывается вовлечен главный герой, попавший в богемную кампанию, которая устраивает свои застолья за счет некоего богатея Толика.

Интонация этой части текста совсем не похожа на интонацию первой части. Если в первой части я ориентировался на традицию Ш. Андерсона, Дж. Сэлинджера, К. Воннегута, т. е. на слегка аскетичный, абсурдный стиль, и потому проза выглядела фрагментированной, то во второй части аскетизм уступил место нарочитому многословию, пространным эстетическим рассуждениям, афоризмам. Во второй части возникает литературная игра, построенная на работе с готовым словом, с цитатами из произведений, принадлежащих высокой и массовой культуре. Среди цитируемых авторов — Ж. М. Эредиа, Ш. Бодлер, О. Мандельштам, Ницше, Чехов, Бродский, Ахматова, Аркадий Бартов, А. Городницкий, И. Корнелюк и др. Цитаты мирно сосуществуют, перемешиваются, вырастают одна из другой, так что становится непонятно, где тут великое искусство, а где вторичное. Здесь, в этой части, предельно усилена рефлексия. Авто-

⁵ Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1996. С. 64–66.

ра больше интересует, как, по каким схемам рождается текст, из чего, из каких источников и жанров он собирается. Сама история — хулиганская разборка в духе 90-х — автора интересует много меньше. Важнее — обстановка, обстоятельства, само письмо, вырывающееся на свободу и уже не подчиняющееся автору. Это рассказ не только о повзрослевшем неудачнике, но и том, как на свет появляется писатель. В духе идеи Ролана Барта — когда в произведении поставлена последняя точка.⁶

Однако, наверное, главной целью автора было представить читателю правдоподобный текст и вызвать у него ощущение достоверности, документальности происходящего. И в то же время — заставить его оглянуться окрест и осознать, что не только литература напоминает жизнь, но и сама жизнь похожа скорее на литературу, и найти границу между ними совершенно невозможно.

Список использованной литературы

Барт Р. Избранные работы. М.: «Прогресс», 1994. 616 с.

Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб.: «Аxiома», 1996. 232 с.

Согрин В. В. США в XX и XXI веках: Либерализм. Демократия. Империя. М.: «Весь мир», 2015. 592 с.

Eliot T. S. Selected Essays. London, 1963. 516 p.

Ibargüen R. R. Narrative Detours: Henry Miller and The Rise of New Critical Modernism: A Dissertation Presented to the Faculty of the Graduate School of Yale University in Candidacy for the Degree of Doctor of Philosophy. Yale University, 1989. 379 p.

⁶ *Барт Р.* Избранные работы. М., 1994. С. 384—391.